

Мастер художественного слова

С. М. БАЛАШОВ

В чем же успех Сергея Балашова? Каковы источники его творчества? Каковы пути его воздействия на аудиторию?

Содержанием творчества Балашова является художественное слово, поставленное на службу социалистическому строительству. И в этой цели направлены, и этой цели служат все методы воздействия на слушателя, которые он применяет и о которых — несколько позже.

Балашов пришел к своему жанру из театра и от театра. Уродец по рождению, он в Перми начинает свою актерскую деятельность, несколько лет работает в провинциальных театрах, пока по путевке Пермского окружного отдела союза работников искусств не уезжает в 1928 году на учебу в Ленинград. Окончив учебу, он работает в Ленинградском Большом драматическом театре, а затем в Государственном Агитационном Театре. Работа в нем связана с целым рядом поездок по стране. И, вот, во время этих поездок и определяется у Балашова новая линия творчества — уход от театра и переход к художественному слову. Окончательно порывает он с театром и становится чтецом в 1931 году. За этот короткий, в сущности, срок, он стал одним из самых крупных мастеров художественного слова, все время работая в основном на Урале и лишь изредка совершая поездки по стране, в частности, на Дальний Восток, в Особую Краснознаменную Дальневосточную Армию, где его творчество, как и повсюду, встречает огромный успех.

Поставив своей задачей художе-

ная композиция «ЧТЗ» (Челябинский тракторный завод) и др. Уже в этих вещах, выявилось определенное направление его творчества — показ новой географии нашей родины, новых строек, заводов и показ новых людей, воспитываемых социалистическим строительством. Этого направления он придерживается и в последующей своей работе.

Первое и основное его качество — огромная эмоциональность его чтения. Нет ни одной мысли, ни одной фразы, ни одного слова, произнесенного им, которые его самого оставляли бы равнодушным. Все произведение в целом, каждая отдельная его часть, каждое слово в его исполнении чрезвычайно ярко эмоционально окрашены. Все его чтение, кроме того заострено политически, агитационно.

Голос Балашова — в нем нет ничего блестящего. Он, кажется, даже несколько суховатым. Но Балашов находит огромное количество красок, тончайших нюансов и этим он покоряет.

От актерского своего прошлого он взял жест и мимику. Жест Балашова очень скуп. Он применяет его не часто, но тем выразительнее он получается, тем сильнее его воздействие. Стоит вспомнить, для примера, как в «Турксибе», описывая Туркестан словами российских колонизаторов — «Ничего страна... Жить можно. — Потроговать тоже можно...» — Балашов прищуривает глаза и делает ругой жест, точно помещая сахар в стакане с чаем... И вот уже перед глазами слушателя возникает яркая картина жизни купцов — колонизаторов, понаехавших в свое время «с женами, свояченицами, с

детьми — гимназистами, с кислой капустой, с тещами, с картами, с проклятым бытом»... При чтении «Песни о ветре» Луговского, не изменив текста, Балашов заставляет слушателя почувствовать, что белый солдат бросает колчаковские ряды, уходит к красным, в то время, как при обычном чтении последние строки звучат полной безнадежностью... В этой политической заостренности — огромный успех Балашова, художника чуткого, тонкого, остро чувствующего, обладающего огромным чувством меры.

Балашов не стоит на месте. Он разрабатывает новые вещи. К VIII чрезвычайному Съезду Советов, утвердившему великую сталинскую Конституцию СССР, он подготовил три новые вещи: «Письмо колхозников — участников военного похода Ашхабад — Москва товарищу Сталину», первую главу литературной композиции «Моя родина» по тексту Маяковского и монолог «Скупого рыцаря» по тексту Пушкина. Он готовит «Медный всадник» Пушкина. Нам удалось прослушать по радио главу из композиции «Моя родина», которую Балашов читал с огромнейшим успехом на вечере в честь делегатов Свердловского областного Съезда Советов. В этой композиции снова проявились с большой силой великолепные качества Балашова — чтеца: огромная проникновенность, искренность, способность заражать аудиторию своим мастерством.

С. ГИНС.

Начиная с сегодняшнего дня состоятся выступления С. М. Балашова в Перми — на Бумкомбинате и в клубе им. Ленина, и в Молотово.

Н А эстраду выходит обыкновенно одетый, сутопявый, с нервным подвижным лицом человек. Он держится очень просто. Не подчеркнуто, не артистически, то-есть, с хорошо сделанной простотой, а по-обыкновенному просто. Какое-то его внутреннее волнение выдают только глаза — острые, напряженные, отражающие большую мысль, да руки — сухие, нервные. Он оглядывает внимательно аудиторию, ждет некоторое время, а затем начинает читать. Впрочем, может быть, это даже не чтение? Может быть, это разговор со слушателем, когда-то, вероятно, недавно прерванный, а сейчас возобновленный? Уж очень обыкновенный тон, уж очень простое начало. Но слушатель заинтересован с первых же слов чтеца. А чтец первыми же своими словами захватил своего слушателя, заставил его отвлекаться от обстановки, в которой тот находится, и, овладев всем его вниманием, уже совершенно легко ведет его за собой, рисуя ему одну за другой картины, поднимая его своей мыслью, заставляя не только слышать то, что он читает, но и совершенно яственно видеть все, что он рисует своим словом и жестом, скупым, но чрезвычайно выразительным.

Так читает мастер художественного слова Сергей Михайлович Балашов.

Едва ли будет преувеличением, если сказать, что среди чтецов Сергей Балашов занимает одно из первых мест. Он не оставляет равнодушных в аудитории. Читает ли он свои литературные композиции, читает ли он вдохновенные стихи Маяковского — он одинаково сильно захватывает, вдохновляет, бодрит, поднимает слушателя, дает ему жизнерадостную социально-насыщенную зарядку.